

Иван Смирнов (Ivan Smirnov)

 <https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

i.smirnow.edu@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕМИНИТИВОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ¹

Characteristics of Feminitives in Russian-Language Media Discourse

Резюме

В статье представлены предварительные комментарии, объясняющие популярность феминитивов, и аргументация, касающаяся причин появления новых форм в русском языке.

В русскоязычном медийном пространстве функционирует ограниченное количество лексических единиц, которые активно используются и критикуются коммуникантами. Новоявленные модели феминитивов репрезентируют женщин, деятельность которых связана с масс-медиа, сферой искусств, образованием. Отсутствуют профессионализмы, относящиеся к рабочим специальностям, успешно освоенным женщинами. Непродуктивность морфологических трансформаций новых лексем является результатом использования небольшого числа приемлемых суффиксов, находящихся в распоряжении участников дискурса.

Феминитивы новой волны, как средство борьбы участников феминистического движения и действенных представителей блогосферы за русскоязычное медийное пространство, указывают не только на присущность субъекта к определенной профессиональной деятельности, но и участвуют в маркировании гендерной принадлежности человека. Фактором, тормозящим процесс распространения феминитивов в различных медиаконтентах, является нарушение системности в языке, например, влияние акцентологических правил русского языка на создание новых лексических вариантов активными участниками феминистских движений были заложены концептуальные рамки, позволяющие использовать лимитированное количество возможных моделей феминитивов.

Ключевые слова: феминитивы, словообразование, русский язык, медийный дискурс, медиапространство.

¹ Статья публикуется с целью дискуссии.

Summary

The article presents preliminary comments explaining the popularity of feminitives, and arguments regarding the reasons for the emergence of new forms in the Russian.

In the Russian-language media space there is a limited number of lexical units that are actively used and criticized by communicants. Newly emerged models of feminitives represent women whose activities are related to the media, the arts, and education. There are no professional qualifications related to working specialties successfully mastered by women. The unproductiveness of morphological transformations of new lexemes is the result of the use of a small number of acceptable suffixes at the disposal of discourse participants.

Feminitives of the new wave, as a means of struggle by participants in the feminist movement and active representatives of the blogosphere for the Russian-language media space, indicate not only the subject's affinity for a certain professional activity, but also participate in marking a person's gender. A factor slowing down the process of dissemination of feminitives in various media contents is a violation of consistency in the language, for example, the influence of accentological rules of the Russian on the creation of new lexical variants. Active participants in feminist movements laid down a conceptual framework that allows the use of a limited number of possible models of feminitives.

Keywords: feminitives, word building, Russian, media discourse, media space.

Свободный доступ к Глобальному информационному универсуму и вербальное столкновение ментальных лексиконов индивидов провоцируют возникновение в социальных медиа различных дискурсов, наиболее популярным из которых является медиадискурс. Современные сетевые коммуникации, открытый доступ к различным медиаплатформам позволяют пользователям интернета первыми реагировать на появление неологизмов в русском языке. Таким образом, появление феминизмов, новых языковых высказываний не проходит незамеченным для участников массовых коммуникативных событий, неравнодушных к стихийному засорению языка.

Исходя из определения массовой коммуникации, которая «не является фактом культуры, потому что произведения ее не хранятся или хранятся в отдельных материалах» (Жеребило, 2010, 188), участники в ходе медийного дискурса выясняют, активно ли используется в языке тот или иной феминизм, и поскольку массовый адресат социально разносторонен, то корректный вариант использования лексемы осмысливается и утверждается коллективно. Характерной чертой медийного дискурса является минимальное присутствие в нем фатической составляющей, которая не подразумевает использование языка только для установления и поддержания психологического контакта участников речемыслительной деятельности. Нарраторами медиатекстов, содержащих новые формы феминитивов, зачастую выступают активисты феминистических движений, общественные деятели, журналисты. Как правило, вербально оформленная мысль мгновенно подхватывается большинством участников медиадискурса и подвергается аргументированному раз-

бору и рекомендациям по корректному использованию ее в текстах с целью воздействия на общественное мнение.

История развития феминистского движения XIX нач. XX вв. ознаменовалась тем, что женщинам Европы удалось добиться определенных прав, в частности, получить доступ к образованию. Как отмечает исследователь Валери Брайсон, первоначально феминист (ка) был человек, поддерживающий «равные юридические и политические права женщин с мужчинами» (Брайсон, 2001, 7). Исходя из данной трактовки получается, что феминисткам изначально было безразлично, отстаивает их права мужчина или женщина. В России в результате Великой Октябрьской социалистической революции к власти пришла партия большевиков. Она законодательно закрепила равные права мужчин и женщин на участие в политической жизни; избирательное право в органы государственной власти; фиксированный рабочий день; доступ во все высшие учебные заведения и др. (Волкова, 2017, 275). В 30-е годы XX века в европейских странах на фоне трансформации экономики, создания предприятий по выпуску новой продукции центральной проблемой становится отсутствие женщин в сфере производства, политических и административных структурах. Все больше европейских женщин вступают в борьбу и отстаивают свои права за равенство с мужчинами в политической, юридической и социальной сферах. В 60-е годы получает развитие либеральный феминизм, который характеризуется пересмотром социальной роли женщины-матери, ведь рождение детей по сути является главным маркером принадлежности к женскому полу. В данный период, собственно, и были заложены предпосылки создания современной гендерной теории со стиранием половой принадлежности. В контексте феминистской политики Брайсон отмечала, что либеральный феминизм характеризуется смешением идей, которые, с одной стороны, охватывают политическую деятельность женщин, а с другой – сконцентрированы на ее роли в бытовой жизни (Брайсон, 2017, 161). Таким образом, транслируемое равенство заключалось в уничтожении женских ценностей с устоявшимся укладом существования. По мнению американского философа Джудит Батлер, минусом является то, что женщины сконцентрировались на своей сексуальности, осознании гендера и лесбийской проблематике (Батлер, 2022, 88). В данный период возникают противоречия и разделения взглядов внутри феминистских направлений, получает развитие радикальный феминизм (радфем), определивший своей целью борьбу женщин за равные права с мужчинами на политическом поле. По сути, как выяснилось, это было последнее активное политическое движение, основанное на отстаивании прав женщин. С критикой патриархальной системы и существующей терминологией можно ознакомиться в обзорной статье см. I. Smirnov 2021, I. Smirnov 2022.

В последнее десятилетие в медийном дискурсе активно обсуждаются феминитивы, заполнившие контент массмедиа. Вербальная коммуникация

не случайным образом была выбрана в качестве инструмента донесения феминистских идей. Данное предположение подтверждается тем, что активность феминисток не нашла отражения в таких сферах как «язык изобразительного искусства», «язык музыки» и т.д., даже современной поэзии не удалось уловить тональность ситуации и времени. Собственно говоря, поэтому дискуссии и разгорелись в медийном пространстве, неограниченность которого позволяет оперативно доносить идеи и привлекать к их обсуждению огромное количество участников. Феминисткам удалось с помощью новой лексики привлечь к себе внимание, но не получилось в полной мере донести информационный продукт до большинства адресатов целевых аудиторий, рассеянных в разных каналах коммуникации.

Причины быстрого взлета и упадка интереса к феминитивам можно связать со следующими факторами:

1. Ограниченное количество лиц, вовлеченных в борьбу за феминистическое движение, поэтому новые словообразовательные модели касаются узких сфер деятельности, например, *блогерка*, *режиссерка*, *кураторка*, отсутствуют феминитивы, маркирующие принадлежность к рабочим, «нетворческим» специальностям.

2. Отсутствие единой повестки, PR-стратегии, способной объединить вокруг себя единомышленников для обеспечения более эффективного диалога с обществом.

3. Изолированность участников феминистического движения, как пример – кафе в Санкт-Петербурге, куда вход мужчинам был запрещен; недопуск к публичному обсуждению представителей неформальных социальных групп, геев, трансгендеров, небинарных личностей.

4. Упадок активности участников «квир-революции» в Европе.

5. Солидарность женщин в уничтожении «женских ценностей».

6. Навязывание бинарной позиции: за и против новых вариантов феминитивов.

7. Изменение политической повестки в РФ.

Гипотетически можно предположить, что механизм соучастия с представителями феминистского движения не сложился в силу вышеизложенных факторов, а чтобы позиция феминисток была более результативной, необходимо вовлечь в процесс обсуждения феминитивов, возможно, большее количество участников блогосферы. В первую очередь это показательно продемонстрирует, как новые формы феминитивов, еще не ставшие литературными версиями слов, служат инструментом для единственной цели: завоевать место в медийном пространстве и донести до социума феминистские идеи. Одной из причин утраты интереса к новой лексике также мог стать одобренный Советом Федерации и принятый в России пакет законов о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола», распространения материалов, которые

«пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения» в рекламе, книгах, кино и массмедиа. Авторы поправок назвали их законами «О запрете ЛГБТ-пропаганды»².

Аналогичный процесс, связанный с упадком интереса к новой лексике, происходил в русском языке в период с 2003 по 2007 годы, когда в интернет-пространстве в переписке люди активно использовали так называемый «олбанский язык» (падонкаффский, «олбанский йезыг»). В тот период времени были популярны следующие устоявшиеся лексические формы: *я плакаль, споки, чмоки, привет медвет, ржунимагу, аффттар жжжот, баян, креведко* и т.д. Это была осознанная игра людей со словами, которая в последующем привела к тому, что данные лексемы перестали использоваться в языке и попали в категорию пассивных слов и выражений.

ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ ФОРМ ФЕМИНИТИВОВ

Большинство статей, касающихся новых форм феминитивов, было опубликовано в массмедиа в период с 2019 по 2021 год. В данный отрезок времени русскоязычное медийное пространство накрыла огромная волна неологизмов, такое количество новых слов участникам медиадискурсов оказалось очень сложно «переварить». Предположительно в 2021 году популярность феминистической лексики пошла на убыль, однако только после фиксации падения активности запросов в русскоязычном сегменте интернета допустимо делать первоначальные выводы. На примере слова *блогерка* можно проиллюстрировать шкалу запросов в поисковой системе Google, т.е. предположительно 2 года назад люди были вовлечены в процесс оценки и обсуждения новых форм феминитивов.

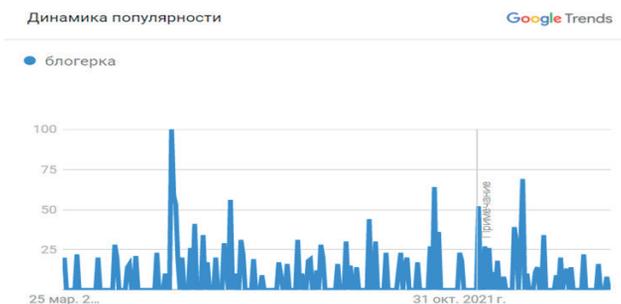

Рис. 1. Динамика популярности слова «блогерка»

² <https://journal.tinkoff.ru/news/zapret-lgbt/>, доступ: 30.08.2023.

Фонд «Общественное мнение» проводил опрос об отношении к феминитивам. Согласно результатам опроса, более 60% респондентов не принимают феминитивы, 68% никогда не слышали современных феминитивов «авторка», «блогерка». При этом 74% отметили неготовность к реформам языка в этом направлении³.

Наиболее продуктивным вариантом образования новых лексем оказался суф. *-к-*. Можно привести ряд феминитивов, образованных с помощью суффикса *-к-*: *авторка, блогерка, дизайнерка, президентка, режиссерка, кураторка, поэтка, дизайнерка, организаторка, волонтерка, операторка, комментаторка, дикторка, профессорка*. Российский исследователь Мазикина, автор *Малого справочника феминитивов*, также отмечает продуктивность словообразования с данным суффиксом и подчеркивает его явное доминирование при образовании новых версий слов (Мазикина, 2019, 40). С одной стороны, суф. *-к-* является универсальным морфологическим элементом, с которым не возникает трудностей при образовании феминитивов, с другой – складывается впечатление о нарочитом акцентировании именно на этом суффиксе. Связано это с тем, что данный суффикс является признаком «новой» волны феминитивов, значит, наделяет субъект определенными характеристиками, и даже может указывать на приверженность к феминистскому движению или на гендерную ориентированность.

Часть новых феминитивов включена в общую смысловую парадигму (семантическое поле), условно обозначенную активными интернет-пользователями. В частности можно привести следующие дериваты: *стримерша, тиктокерша, ютуберша, лайфхакерша*. В данном случае в феминитивах заложены паттерны поведения, отвечающие следующим характеристикам:

1. Стримерша – человек, способный долгое время вести стримы.

2. Ютуберша – человек, имеющий свой ютуб-канал.

3. Тиктокерша – активный пользователь тик-тока.

4. Лайфхакерша – человек, дающий ценные советы в интернете на разные темы.

В продолжение темы приведем еще несколько примеров феминитивов с суффиксом *-ш(a)*: *капитанша, директорша, парикмахерша*, где также характеризуется род занятий, исключением является лексема *генеральша* (жена генерала) (Лопатин, Улукханов, 2016, 694). По всей видимости, причиной ограниченного использования феминитивов с суффиксом *-ш-* является существование фамильярного, пренебрежительного контекста. Автор Гузарева в своих исследованиях подтверждает, что суф. *-ш-* менее частотен по сравнению с суф. *-к-*, однако феминитивы с суф. *-ш-* в медийном пространстве не имеют идеологических оснований, ср. например, *блогер – блогерка – блогерша*. Однако стоит внести уточнение, что новых феминитивов с суф.

³ <https://donstu.ru/news/intervyu/avtorka-blogerka-strimersha-kak-feminitivy-prizhivayutsya-v-russkom-yazyke/>, доступ: 25.08.2023.

-ш- очень мало, т.е. пейоративностью или маркированностью к мужскому полу они все-таки обладают (Гузаерова, 2019, 111).

Стоит обратить внимание на варианты лексических единиц, в которых суффиксы -ш- и к- не конкурируют между собой, а используются в зависимости от того, какой характеристикой должен быть наделен субъект.

5. Петербургская *депутатка* может стать ректоркой московской «Шанинки»⁴.

6. Две пьяные омские *депутатши* выбили дверь в квартиру узбекской семьи⁵.

Схожим образом выглядит ситуация с примерами: *врачина*, *педиатрина*, *психологиня*, *онкологиня*, где данные слова условно объединены профессиональной принадлежностью к врачебному делу. Между тем в русском языке уже существует подобный ряд словообразовательных синонимов: *врач* – *врачиха* – *врачина*.

Молодая *врач* поставила мне укол.

Я запомнил эту *врачиху* на всю жизнь!

К нам устроилась работать молодая *врачина*.

В профессиональной сфере *врач* является гендерно-нейтральным словом, однако сохраняет черты мужской принадлежности и не воспринимается феминистками как подходящий вариант. Приведенный выше феминитив *врачиха* характерен пренебрежительным оттенком, стало быть, предполагает скверный нрав человека, а также его низкий профессиональный уровень. В противовес этому феминитив *врачина*, с одной стороны, маркирует человека по женским признакам, а с другой – стирает уничижительные черты, навязанные словом *врачиха*.

Очередным примером привязанности к персоналиям и гендеру может служить следующий лексический ряд: *поэт* – *поэтесса* – *поэтка*. При использовании слова *поэт*, требуется дополнительный лексический и грамматический инструментарий, указывающий на женский фактор, например:

Она *поэт* огромного масштаба!

Феминитив *поэтесса* однозначно соотносится с женским полом, но задает уровень корреляции, при котором женщине приходится конкурировать на одном поле с мужским поэтическим творчеством. Наиболее релевантным в этом смысле представляется слово *поэтка*, активно используемое в медийном дискурсе, оно является более мягким вариантом, без ареола конкуренции и ответственности. Следовательно, утверждение, что процесс образования новых форм феминитивов имеет стохастический характер, является ошибочным (см. Лаппо и Малиновская, 2020).

⁴ <https://paperpaper.ru/papernews/2023/3/9/peterburgskaya-mundepka-mozhet-stat-r/>, доступ: 30.08.2023.

⁵ <https://baikal24.ru/text/17-09-2022/007/>, доступ: 30.08.2023.

ВЫВОД

В настоящее время в науке не представлены фундаментальные исследования актуальных феминитивов, в силу этих причин выстраивание предикторов, объясняющих снижение интереса участников медиадискурса к появлению новых словообразовательных моделей, не представляется возможным. Важным пунктом исследования феминитивов является сохранение нейтральности, которое позволяет выявить недостатки аргументации каждой из сторон. Если исходной позицией в исследовании языкового материала является мужчина, то в противовес должны быть актуальные языковые данные с женскими характеристиками (Anchimiuk, 2020, 262). По всей видимости, словообразовательные модели были основаны как на общей «наивной» мотивации сторонников феминистского движения, так и на грамматических закономерностях, регулирующих словообразовательный процесс в русском языке. Отношение к процессу выстраивалось по линии поляризации мнений на почве принятия и отторжения новой лексики.

На данный момент процесс атомизирован и не вызывает активных дискуссий в русскоязычном медийном пространстве. Стоит учесть, что данная тенденция затронула не только устную речь, но и письменную. Адресант при использовании феминитивов маркирует не только профессиональную принадлежность личности, но также идентифицирует субъекта по сексуальной принадлежности. Данный словообразовательный процесс оказался притягателен, так как способствовал созданию ранее не зафиксированных словообразовательных моделей феминитивов, с помощью которых актуализировалось создание новых нарративов. По всей видимости, компромиссом в данной ситуации является вариант гендерно-нейтральной лексики – *врач, доктор, риелтор, юрист*, нейтральность которой в перспективе может быть достигнута путем размывания семантической составляющей профессионализмов.

В русском языке успешно функционируют феминитивы, образованные от существительных с конечным ударным слогом, например: *студэнт – студэнтка, магистрант – магистрантка, пассажир – пассажирка*. Альтернативные варианты с ударным начальным или вторым слогом, видимо, создают трудности коммуникантам и не соотносятся с привычной акцентологической моделью. К данной категории относятся слова: *блóгер – блóгерка, курáтор – курáторка, дирéктор – дирéкторка*.

Удивление вызывает огромное количество статей, посвященных использованию феминитивов в медиадискурсе, с прогнозами внедрения в русский язык новых слов феминистской субкультуры без каких-либо подтверждающих факторов, что является некорректным и преждевременным. Однозначно можно сказать, что практическая рациональность представленных морфологических трансформаций феминитивов дополняет семантику слов, следова-

тельно, данные дефиниции можно кодировать, т.е. включать их в возможные трактовки слова. Феминитивы ставят адресанта перед выбором и заставляют выстраивать более эффективные стратегии общения. Можно представить 3 возможных варианта:

1. Использование новых форм феминитивов в любой ситуации.
2. Использование новых вариантов слов выборочно, предварительно изучив существенные характеристики субъекта (адресата).
3. Консервативно придерживаться «старой» нормы.

При этом необходимо учитывать, что человек в подобной ситуации будет вынужден выстраивать демаркации, исходя из ситуативности и своих этических взглядов. В заключение можно сказать, что интерес к феминизмам в русскоязычном медиадискурсе вызван потребностью и стремлением социума к более полному отражению реалий современной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анчимиук, О. (2020). *Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века*. Белосток.
- Батлер, Д. (2022). *Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности*. Москва.
- Брайсон, В. (2021). *Политическая теория феминизма*. Москва.
- Волкова, Е.Ю. (2017). *Что дала революция 1917 года в России?* Вестник КГУ, 4, 275–277.
- Гузаярова, Р.Р. (2019). *Блогер или блогерша: русские феминитивы с формантом ш(а) в современном медиaprостранстве*. Ученые записки Казанского университета, 105–116.
- Жеребило, Т.В. (2010). *Словарь лингвистических терминов*. Назрань.
- Лаппо, М.А., Малиновская, Н.И. (2020). *Параметризация базы данных узуальных и незуальных феминитивов*. Вопросы лексикографии, 18, 52–72.
- Лопатин, В.В., Улуканов, И.С., (2016). *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва.
- Мазикина, Л. (2019). *Малый справочник феминитивов*. Екатеринбург.
- Смирнов, И. (2021). *Метафора как механизм разрушения гендерных стереотипов*. Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс, 61–70.
- Смирнов, И. (2022). *Проблема гендерной идентичности в новелле «Легкое дыхание» И. Бунина*. Slavia Centralis, 15, 249–262.
- Смирнов, И. (2022). *Специфика языка миров Ивана Бунина*. Lodz.

- Anchimiuk, O. (2020). *Rechevoy etiket v proizvedeniyakh russkoy literatury XIX veka*. Belostok.
- Batler, D. (2022). *Gendernoye bespokoystvo: feminizm i podryv identichnosti*. Moskva.
- Brayson, V. (2021). *Politicheskaya teoriya feminizma*. Moskva.
- Guzayerova, R.R. (2019). *Bluger ili bloggersha: russkiye feminitivy s formantom sh (a) v sovremennom mediaprostanstve*. Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta, 105–116.
- Lappo, M.A., Malinovskaya, N.I. (2020). *Parametrizatsiya bazy dannyykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov*. Voprosy leksikografii, 18, 52–72.

- Lopatin, V.V., Ulukhanov, I.S., (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva.
- Mazikina, L. (2019). *Malyj spravochnik feminitivov*. Yekaterinburg.
- Smirnov, I. (2021). *Metafora kak mekhanizm razrusheniya gendernykh stereotipov*. Voprosy semantiki i stilistiki teksta: lingvisticheskiy diskurs, 61–70.
- Smirnov, I. (2022). *Problema gendernoy identichnosti v novelle Legkoye dykhaniye I. Bunin*. Slavia Centralis, 15, 249–262.
- Smirnov, I. (2022). *Spetsifika yazyka mirov Ivana Bunina*. Lodz.
- Volkova, E.U. (2017). *Chto dala revolyutsiya 1917 goda v Rossii?* Vestnik KGU, 4, 275–277.
- Zherebilo, T.V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran'.